

The background of the book cover is a soft-focus photograph. It depicts a child's hand reaching up towards an adult's hand, which is holding a dark, textured object. The scene is set outdoors with a blurred background of green foliage and pink tulips in the lower-left corner. The overall color palette is warm and gentle, with pastel tones.

Анжела Варданян

**Этюды
по детскому
психоанализу**

Когито-Центр

Анжела Варданян

Этюды по детскому психоанализу

«Когито-Центр»

2002

Варданян А.

Этюды по детскому психоанализу / А. Варданян — «Когито-Центр», 2002

Известный детский психоаналитик Анжела Варданян в своей работе опирается на метод французского врача-психоаналитика Франсуазы Дольто. В этой книге она рассказывает о 10 терапевтических случаях, которые дают представление о деятельности ереванского «Сада радуги». Жанр этюдов позволяет доступно и увлекательно, но без упрощения описать внутренний мир ребенка, его переживания и реакции на те или иные попытки взрослых справиться с его недугом. Книга будет интересна социальным работникам, психологам, психотерапевтам, педагогам, родителям и всем тем, кто сталкивается с проблемами детской психологии.

© Варданян А., 2002

© Когито-Центр, 2002

Содержание

Место встреч – «Сад радуги»	6
1 Этюд	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анжела Варданян

Этюды по детскому психоанализу

© Варданян А., 2002

© «Когито-Центр», 2002

*Все права защищены. Любое использование материалов данной книги
полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Место встреч – «Сад радуги» (вместо предисловия)

Идея создания этой книги появилась у меня давно. Она возникла благодаря тому интересу, с которым на лекциях, семинарах или симпозиумах повсюду – в Армении, России, Франции, Германии – аудитория отзывалась на рассказ о детском психоанализе. Описание конкретных случаев, обсуждение форм и методов работы с детьми вызывало оживленные дискуссии. Психологи, врачи, социальные работники и педагоги независимо от возраста и опыта работы очень часто выражали особую, можно сказать личностную заинтересованность и желание углубиться в эту область психоанализа.

Окончательно подтолкнул меня к написанию книги, сам того не ведая, доктор Х. Кехеле на семинаре¹, где я представляла «Дикую Розу», он посоветовал мне опубликовать этот случай – «хороший материал для обучения студентов».

«Этюды по детскому психоанализу» – итог работы нескольких лет. Они были написаны по разным поводам – это и доклад («Будни Сада радуги», 1996), и статья («Мари и турки», 1989), и разбор на семинаре («Дикая Роза», 1998), и рассказы из сборника «Революция маленьких шагов». Объединяет их форма изложения – новелла, а также цель – показать детство и его проблемы с точки зрения психоанализа. Это не концептуализация и не наставление, – скорее ретроспектива пройденного пути, а также приглашение к участию в процессе и к совместной интерпретации в аналитическом ключе. Книга демонстрирует возможности применения психоанализа в различных формах работы с детьми разного возраста. Особое место уделено превентивной работе с маленьким ребенком и его семьей в центре ранней социализации «Сад радуги»: об этом рассказывается в предисловии к книге «Место встреч – «Сад радуги»».

Почему место встреч, а не воспитательное учреждение? Почему психоанализ? И наконец, почему ранней социализации?

Начнем с ответа на последний вопрос: родиться человеческим существом еще не означает быть принятым в социум, развиваться и взаимодействовать в соответствии с нормами и законами межличностного общения, стать и быть Человеком. Именно общество (включая семью и родителей) принимает или отрицает твое право на Самость, собственное желание, автономию, физическую и психическую самостоятельность. Современный психоанализ доказывает, что чем раньше ребенок вступает в пространство социального взаимодействия как равный субъект общения и речи, тем раньше диада «мать– ребенок» переопределяется в триаду «мать – отец – ребенок», «родители– ребенок – общество», тем устойчивее структурируется психическое развитие ребенка, тем гармоничнее психосоматическое единство и равновесие. Это и есть социализация в «Саду радуги», как и во всех учреждениях, основанных под влиянием идеи «Зеленого дома» Ф. Дольто², – «Зеленой дверцы» – в России, Бельгии, Швеции, Канаде, Польше и других странах.

Задачи социализации здесь таковы: сохранить гармонию диады «мать – ребенок», восстановить равновесие при чрезмерностях³, таких, как «сверхзабота» или «слишком» мало или много любви, тревоги и т. д., и ввести маленького ребенка в поле структурирующего запрета-закона, перед которым все равны⁴. Логика запретов: сохранение своего здоровья и здоровья

¹ Международный семинар «Проблемы современного психоанализа», проходивший в Ереване, 1999, АПА, MSF, UPA.

² Дольто Ф. Мы идем в Мезон Верт // Дольто Ф. На стороне ребенка – СПб. – М., 1997, с. 447.

³ Вишикотт Д. Маленькие дети и их матери. – М., 1998.

⁴ В отличие от запрета-фрустрации Ф. Дольто вводит понятие символической кастрации – Запрета, порождающего возможность достижения объекта либидо иным, более длинным путем. См.: Dolto F. *Seminaire de psychanalyse d'enfants*. – Paris, ed. Seuil, 1982, v. I, ch. 3.

другого человека (ребенка), а также ограничение «всемогущества» ребенка, присущего эдипальному возрасту.

Приняв законы обитания в социальной среде и межличностного общения «Зеленого дома», ребенок быстро завоевывает и увеличивает пространство своей самостоятельности в соответствии с возможностями своего возраста, своей индивидуальности – то есть выражает готовность к общению с миром, другими людьми, а его мама – готовность выпустить его в мир, общество. Плавно, мягко и не спеша оба готовятся к сепарации. Обоим нужно время – принять, поверить, довериться, чтобы расстаться, пройти благополучно этот путь от 0 до 4 лет. Пространство «Зеленых домов» и нашего «Сада радуги» обеспечивает ребенку возможность вовремя разрешать возникшие проблемы.

Теперь ответим на второй вопрос – почему психоанализ?

Прежде всего потому, что работа центра основывается на теории психоанализа. Здесь приоритет отдается не отдельно взятым школам или направлениям, а фундаментальным положениям о психосексуальном развитии, заложенным Фрейдом и обогащаемым данными современной теории и клинической работы. Это условие оговорила Ф. Дольто, чтобы уберечь «Зеленый дом» от идеологических распрей и авторитарной эксплуатации в интересах какой-либо одной школы, пусть даже психоаналитической ориентации.

«Зеленый дом» – это пространство трансференциальных отношений. При всех отличиях этого трансфера⁵ от клинического его роль и значение чрезвычайно важны в каждом отдельном случае: и для родителей, и для детей, и для принимающих (сотрудников). Поэтому естественно, что в работе коллектива на ежедневных встречах бригады из 3 человек и общих семинарах всего коллектива особое место занимает анализ трансференциальных и контрансференциальных отношений.

И наконец – почему место встреч, а не воспитания и обучения?

Здесь не воспитывают, не обсуждают, не оценивают поведение и деятельность, здесь не функционируют принятые в таких случаях методы поощрения и наказания, отсутствуют нравственные установки и стереотипы. Наоборот, любые попытки их внедрения родителями или детьми переносятся в плоскость поиска и анализа бессознательного импульса или мотива, действия или поведения. При этом интервенция принимающего имеет максимально нейтральный характер. Вмешаться ровно настолько, чтобы не навредить, не затронуть нарциссизм ребенка или родителя, не ущемить права их личности. То есть словом или взглядом бережно «прикоснуться» к их поведению или действию, но не затронуть «Я» субъекта.

«Достаточно ли одной такой встречи-беседы, чтобы разрешить проблему?» – часто задаваемый вопрос, в котором обычно сквозит недоверие клинициста.

Достаточно⁶, поскольку она единственная лишь формально, как факт одной беседы, но встреч ровно столько, сколько раз ребенок и родитель посетят «Зеленый дом». Ибо, не будучи ни воспитательным, ни психотерапевтическим, ни даже консультативным центром (учреждением), он интегрирует все три эти функции (качества). Дети, родители и принимающие – все обитатели имеют возможность слышать, видеть, говорить, различать, узнавать, принимать, исследовать себя и других, встречаться с собой и другими, а значит – познавать, развиваться, учиться. Эффект встречи-беседы, ее позитивный результат достигается за счет работы на грани «чуть-чуть», полу-, недосказанности, что требует максимальной включенности и напряжения «третьего» уха, глаза. Это совсем не просто – работать, как говорила Ф. Дольто, «легко, точно и вовремя», попадать в цель или отстраняться, вести беседу так, чтобы подтолкнуть личность

⁵ См. об этом подробнее в этюде «Будни “Сада Радуги”».

⁶ В случае тяжелого или запущенного состояния ребенка мы советуем родителям, помимо посещения «Сада радуги», водить его на психотерапию.

к поиску вопросов и ответов в себе, своем реальном бытии. Вот она – большая и значимая работа психоанализа в маленьком пространстве нашего «Зеленого дома» – «Сада радуги».

В то время как роль психоанализа в превентивной работе малоизвестна, роль психоанализа в психотерапии детей известна и не оспаривается. Тем не менее даже среди специалистов бытует мнение, что это дело простое, что гораздо менее ответственно и более легко работать с детьми, чем со взрослыми. Порой можно услышать утверждение: детская психотерапия – это «хорошая педагогика и воспитание»; такое утверждение является расхожим заблуждением, ибо психотерапия детей, во всяком случае психоаналитическая, – это прежде всего психотерапевтические, трансференциальные отношения, исключающие морализаторство, это особая реальность и «связи», которых ребенок не имеет в своем социуме.

Такие отношения, как и содержание, течение и длительность терапии, в каждом случае специфичны. Большую роль в них играет возраст ребенка, особенности нарушений (или симптома), их устойчивость, длительность и сила страдания. Но для детей так же, как и для взрослых, психоанализ и психотерапия – это работа сложная. И взрослый, и ребенок должны иметь соответствующий мотив и личное решение – «запрос» на психотерапию. Это условие для детской психотерапии может показаться вторичным, так как ребенка к психотерапевту обычно приводит родитель, который сам и оплачивает сеансы, а значит, может и сам принимать решение. Но если не учитывать «запроса» ребенка, психотерапия может превратиться в принуждение или соблазнение, а процесс – повторять реальные отношения, для которых часто характерны манипуляции и притворство.

Поэтому только в случае согласия ребенка на терапию мы можем рассчитывать на контракт лично с ним как с субъектом терапии, на альянс, терапевтическое взаимодействие и результат.

С ребенком даже самого нежного возраста⁷ при индивидуальной психотерапии можно договориться о его личной символической оплате сеансов: камешки, спички, а для детей постарше – нарисованная ими валюта по их выбору. Мой собственный опыт применения этого нововведения Ф. Дольто показал, что это имеет позитивный эффект, заключающийся в большей свободе отношений и в обогащении элементов интерпретации трансференциальных отношений.

Как и в работе со взрослыми, в детской психотерапии очень важны: минимальные интервенции, позволение говорить (но не делать) все, сохранение конфиденциальности, вопреки многочисленным хитроумным провокациям родителей и их стремлению проникнуть в «кадр» психотерапии их ребенка.

Иногда одному из родителей (или других членов семьи) с исчезновением симптома, улучшением состояния ребенка становится хуже⁸, а порой родитель резко прерывает психотерапию⁹ своего ребенка – драматичная ситуация, в которую психотерапевт не может вмешиваться. Исход ее может быть и благополучным, ибо в жизни ребенка может произойти повторение трансференциальных отношений в его окружении, или вытесненный аффект может найти свое выражение на последующей стадии развития.

Детская психотерапия имеет еще одну особенность. Речевые затруднения ребенка, сложности вербализации, связанные с его симптомами или психическим расстройством, компенсируются богатым материалом невербальных средств выражения: это рисунки, лепка, конструкции из «Лего» и кубиков. Их интерпретация – не самоцель, но вокруг и на основе символов-сообщений можно строить и развивать психотерапевтические отношения с ребенком. Описывая эти десять случаев, мне хотелось показать материал, который демонстрирует

⁷ Обычно с детьми до 3 лет терапия проводится либо вместе с родителями, либо в диаде «мать – ребенок».

⁸ См. подробнее этюд «Он хотел их убить, но боится».

⁹ См. этюд «Дикая Роза».

чувствительность детей к травмам, их готовность и желание быть с нами, взрослыми, открытость и способность к общению на любом языке, выражающем искренность и истину.

На это настроен мощный радар органов перцепции, мгновенно схватывающий и различающий тональность лжи, неискренности, страхов, секретов и пугающих призраков.

От них ребенка избавляет превентивная психотерапевтическая работа, и чем раньше она начинается, тем быстрее происходит исцеление от страданий.

Детская психотерапия сложна и ответственна, как и работа со взрослыми, а может быть, и более того.

Ибо у детства свой язык, и прежде чем приступить к работе с детьми, надо овладеть их языком.

А у них – «Все есть язык!»¹⁰

¹⁰ *Dolto F. Tout est langage. – Paris, Vertige-Carrere, 1987.*

1 Этюд Будни «Сада Радуги»

«Дети – источник знания.

Существа, которые задают истинные вопросы.

Как исследователи. Они ищут ответы».

(Ф. Дольто¹¹)

Прежде чем описать будни нашего «Сада радуги», я остановлюсь на его основных идеологических и этических принципах. Следование этим принципам обеспечивает такую жизнь «Зеленого дома», какую создавала Ф. Дольто, предусматривая самые важные условия для становления личности человека.

Первый «Зеленый дом» открылся 6 января 1979 года в Париже, на площади Сент-Шарля. Спустя некоторое время посыпались вопросы: «Чем же вы занимаетесь?», «Что же вы делаете?»

Недоумение вызывало непривычное для детских учреждений отсутствие воспитательных и педагогических задач, форм и методов работы. Отсутствовали общепринятые логопедические, анимационные или родительские группы, организация и управление игрой детей. Иногда в адрес «Зеленого дома» раздавались и упреки: «Вы же ничего не делаете, просто не мешаете жить».

– Быть с людьми – это ничего не делать? – отвечала Ф. Дольто. – Это игра? – и добавляла: – Это нужно делать. Это как ничто другое развивает существо¹².

Объясняя суть работы в «Зеленом доме», Ф. Дольто нередко говорила: «Мы ничего не делаем». При этом она имела в виду: не вмешиваемся, не управляем, а слушаем и говорим. «Наша работа – не делать, а говорить»¹³, – подчеркивала она и предупреждала, что никогда не следует делать за ребенка то, что он уже умеет делать сам.

Один из основных этических принципов «Зеленого дома», сформулированных Ф. Дольто, – чтить свободу другого. Он подразумевает свободу выбора, которой достоин каждый независимо от возраста – даже новорожденный.

Уважать свободу ребенка – значит предлагать ему модели, тем самым давая ему возможность избегать навязанного подражания.

Учитывая, что для детства вообще характерно присваивание чужих ценностей, скажем, желание «быть своим старшим братом», быть кем-то другим, особенно важно объяснять ребенку, что это свойственно всем людям, когда они еще дети, и что все иногда ошибаются, не знают, что лучше – быть самим собой или другим? «Защищать (отстаивать) собственные желания, не присваивать желания другого» – основные условия формирования личности.

«Мы это делаем все время, – пишет Ф. Дольто о своем первом «Зеленом доме». – И они (дети. – А.В.) понимают, что лучше быть собой, чем делать как Другой»¹⁴. Ф. Дольто считала это большой превентивной работой. Все, что обозначается словом, должно быть истинным, подлинным, – так формулировала она свои требования для работы в «Зеленом доме». Здесь все должно быть корректно, легко и точно. «Мы умеем легко показать родителям их стремление к всемогуществу, кастрационные и фрустрационные тенденции в их отношении к соб-

¹¹ Dolto F. La cause des enfants. – Paris, ed. R. Laffont, 1985, part III. Здесь и далее цитаты даны в переводе автора.

¹² Dolto F. La cause des enfants, p. 560.

¹³ Actualites Sociales Hebdomadaires, 1988, № 1613. La maison verte à l'écoute des enfants.

¹⁴ Dolto F. La cause des enfants, p. 560.

ственным детям. Мы показываем им это в непосредственном наблюдении, не осуждая и не оценивая их. Безобидное очевидное»¹⁵.

Психоаналитический принцип «нейтралитета» и сдержанности дает возможность родителю самому «подкорректировать» себя, возобновить акт на должном уровне. Его не учат и не подправляют – его слегка «касаются» глаза третьего человека – принимающего сотрудника «Зеленого дома». Хорошо чувствуя это, родители часто говорили Ф. Дольто, что после того, как они начали посещать со своими детьми «Зеленый дом», им стало легче воспитывать своих детей. Что и сами они уже больше уверены в себе и меньше тревожатся за своих детей.

Мать и дитя под кровом «Зеленого дома» – это покровительство, защита и забота с «отцовской функцией» (Д. Васс) – место социализации и связи поколений.

Место, где есть психоанализ, психоаналитическое поле и тот психоаналитик, который осуществляет посредничество в «поле желаний» с субъектом слова и языка, телом, структурированным речью.

«Мы в целом – место, – формулировала Ф. Дольто трансфер на место (*Nous en sommes le lieu*), – поле фантазмов и символического “слова и встреч, желаний, интерпретаций сопровитвления, перенесенного на это место”»¹⁶.

Проясняя значение трансфера в «Зеленом доме» как *на* («Зеленый дом») и *в* («Зеленом доме») *место* (*sur et dans le lieu*), Ф. Дольто обозначает совместную работу психоаналитика с теми, кто не является психоаналитиком (педагогами и воспитателями); здесь трансфер может быть связан с любой персоной, и дает он тот же эффект: мобилизацию аффектов, локализацию психических инстанций. Характеризуя специфику трансфера в «Зеленом доме» – «*Jardin couvert*», Д. Васс дает очень удачную метафору, определяя его как «уникальное место, где мы занимаемся с разными поколениями. Здесь разные люди, но единый Дух»¹⁷.

Спустя 15 лет после открытия первого «Зеленого дома» во Франции проектируется его создание в Армении, а еще через год в Ереване на ул. Абовяна, 44 открывается наш «Зеленый дом» – «Сад радуги». Каков же Дух нашего «Сада радуги»? Он отражается прежде всего в наших буднях – ежедневной работе бригад.

В «Саду радуги» происходят длинные и короткие встречи, в которых порой разрешаются большие и малые, запутанные и бесхитростные проблемы наших маленьких и взрослых посетителей. Все они всегда одинаково важны и значительны, и независимо от степени сложности требуют внимательного и чуткого вслушивания, неторопливого тактичного ожидания, созревания готовности к размышлениям, к совместному поиску Истины в тайнах событий индивидуальной или семейной истории.

Эти встречи всегда разные. Иногда частые, но неглубокие, словно легкие прикосновения, иногда разовые беседы или многократные «пробы» чередуются долгим молчанием (сквозь сомнение), затем продолжают, словно только что начатый разговор.

Например, бабушка, цепко держащая внука на привязи своего взгляда и периодически одобряющая каждое его действие, вдруг поймав на себе мой взгляд, произносит:

– Мои дети такие же, очень хорошие. До сих пор, прежде чем что-то сделать, всегда смотрят на меня.

Мой вопрос: «Вам, наверное, это очень приятно?» – и ее мгновенный ответ: «Конечно!» – обволакиваются двусторонней паузой, длящейся несколько недель. Между нами нет напряжения, но периодически я чувствую на себе ее ощупывающе-оценивающий взгляд. Но однажды она подходит и, продолжая как бы ненароком прерванную мысль, задает свой вопрос: «Вы

¹⁵ Dolto F. La cause des enfants, p. 568.

¹⁶ Vasse D. Se tenir debout et marcher. – Paris, ed. Gallimard, 1995, p. 81, 243.

¹⁷ Vasse D. Se tenir debout et marcher, p. 178.

думаете, что это плохо?» Мое уточнение «Что плохо?» становится началом беседы о том многом, что было так важно для нее... и, конечно, для внука.

Иногда это даже не беседа, а просто вопрос или предложение – толчок, метко нацеленный в ядро проблемы. Например, папа, демонстрирующий присутствующим мощь своего авторитета, с видимым удовольствием хлещет сына запретами: «Нельзя!», «Отойди!», «Не трогай!» Этот папа делает «важное дело» – воспитывает чадо! Ответственность этого «дела» так его увлекает, что он не замечает страданий стоящего у его ног и угасающего от этой подавляющей силы мальчика, источающего беззвучный стон и мольбу в застывших слезах. Папу возвращают к реальности слова, обращенные к сыну:

– Тебе очень хочется? Так скажи об этом своему папе, скажи, что тебе очень хочется поиграть самому с водой... Он тебе объяснит, что именно нельзя, что можно, и тебе не придется плакать...

Их взгляды встречаются, тревожный у сына, удивленный у отца. Возможно, это начало пути навстречу друг к другу...

Или растерявшиеся родители тех же детей, у которых вдруг неожиданно «испортились язычки» (заикание) или начались «конфузы» ночные или дневные...

Энурезы, заикания, фобии и прочие нарушения, характерные для эдипального возраста, тяжело переживаются родителями, приводят их в замешательство, к ощущению собственной беспомощности и чувству вины, перемежающимися иногда гневом, бессознательной агрессией.

Но все они прекрасны – и эти малыши, и их родители в своем желании быть хорошими, и этот нарциссический порыв часто бывает необходимо поддержать.

Как трудно выдержать папе (маме), когда их ребенок устраивает прилюдно сцену – вопит, бьется в истерику на полу, не желая, например, уходить домой. Дома он справился бы с ним, но здесь, на людях, родитель часто теряется. Здесь привычный протест ребенка приобретает иное значение, больно ударяя по нарциссизму родителей. Это родитель превращается на глазах в беспомощного ребенка перед своим, в данном случае всемогущим в своем гневном малышом¹⁸. Он начинает уговаривать или умоляющим шепотом просить его стать послушным или, наоборот, проявляет свою родительскую власть, иногда агрессивно. Молча или с гневными восклицаниями пытается силой «взять» и унести с собой орущего и сопротивляющегося ребенка.

Тяжелая сцена! Оба – родитель и ребенок – ушли от реальности в свои фантазии. Только третий – воспитатель или психолог – может помочь им вернуться в реальность, привести словом, речью – к взаимопониманию. Обратившись к малышу, сообщить ему, что он может не кричать, а сказать о том, что хотел бы побыть здесь еще немного, и к родителю – что если он имеет такую возможность, то может и уступить, а если спешит, то может объяснить ребенку, что они всегда могут прийти сюда еще. Главное – найти нужные слова, чтобы показать родителю, что ему нечего стесняться, что это не он кричит и ведет себя плохо, а его ребенок, который «забылся» и забыл от огорчения, что может говорить, слушать и понимать, что такое случается со всеми и не только в детстве. А сейчас им просто надо понять желания друг друга, а затем – принять совместное решение.

В «Саду радуги» спонтанно представляется уникальная возможность разглядеть тончайшие нюансы бессознательного родителей, проявляющегося в их поведении, реакции или действиях, стимулирующие или тормозящие развитие их детей.

Например, мама прерывает решительный марш своего малыша к бассейну. Она молча хватает его в охапку и только потом произносит «Нельзя!», но уже поздно. Малыш, еще не

¹⁸ Здесь в слове «малыш» символически обобщены пол, возраст, имя ребенка, которые в данном случае несущественны. В других случаях пол и возраст указаны достоверно. Имена с целью сохранения анонимности и профессиональной этики во всех случаях изменены.

умеющий говорить, ором выражает свое возмущение, пытаясь вырваться из ее цепких рук. Он возмущен, он уже ничего не слышит, кроме своей обиды. Это достаточно крепкий и сильный ребенок, а главное: он полон решимости достичь своей цели. Он кричит и вырывается. Начинается спектакль двух тел, движимых противоположными желаниями, в сопровождении мощных криков малыша. На предложение «Вы скажите ему, объясните...» мама победно отрывает ребенка, все еще орущего и вырывающегося, от бордюра бассейна и наконец устало отвечает:

– Он еще не говорит и не понимает.

– Не понимает, потому что не говорит.

Мы ведем разговор втроем.

– Послушай, малыш, ты очень рассердился на свою маму, но твоя мама боится, что ты простудишься.

Ребенок вдруг неожиданно замолкает, а мама, воспользовавшись паузой, предлагает ему:

– Посмотри, какая тут лесенка.

Малыш сползает с рук матери и, стоя у подножия двухэтажного деревянного замка, начинает раскачиваться всем телом и гулить. В веренице интонаций его гуления слышатся призывы к действию, перемежаемые оттенками ворчливого примирения. Мама, стоящая рядом, подбадривает: «Ну давай, поднимайся по лесенке». Сын, раскачиваясь телом, продолжает гулить, он размышляет вслух.

Слова, слова! Начало очеловечивания, человеческого общения, к которому ребенок готов задолго до своего рождения¹⁹. Эта мама, как и многие другие, посещающие наш «Сад радуги», поняв это, очень скоро начнет развивать такую уникальную способность своего ребенка к общению, к межличностному взаимодействию.

Дети уже говорящие также часто не используют язык, вернее, не прибегают к возможности речевого общения со своими родителями, другими детьми и взрослыми. Такие дети, например, привычным жестом молча выхватывают из рук другого ребенка понравившуюся игрушку. И неожиданно слышат спокойный вопрос: «Это твои руки хотят игрушку? Они поспешили. Ты не успел ее захотеть и поэтому ничего не сказал? Посмотри на него (нее). Он (она) не знает о твоём желании и очень огорчен(а)». Ребенок переводит взгляд от рук, держащих игрушку, на того, у кого он отнял ее, затем тихое: «Дай мне...»

¹⁹ Dolto F. Au jeu du désir. – Paris, ed. Seuil, 1981, ch.2. Mots et fantasmes.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.